

АНТРОПОМОРФНАЯ МЕТАФОРА В РУССКОЙ НАРОДНОЙ ЗАГАДКЕ

Файзуллина Найля Ивановна

доктор филологических наук, Казанский (Приволжский)
федеральный университет
nelya7@mail.ru

Сюй Жун

Аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный
университет
xurongsss8@gmail.com

ANTHROPOMORPHIC METAPHOR IN THE RUSSIAN FOLK RIDDLE

**N. Fayzullina
Xu Rong**

Summary: The presented work is devoted to the analysis of the figurative content of one of the oldest and at the same time difficult to study genre – folk riddle. The descriptive part of the denotation is analyzed, within which it is possible to enter the second nomination of the hidden object or its allegorical representation. Allegory, as a rule, is realized by including a metaphor in the context. It should be emphasized that in a folk riddle, the functioning of a metaphor differs significantly from the functioning of a metaphor in a literary text. The article examines the role of anthropomorphic metaphor in the text of the Russian folk riddle. The authors provide psychological grounds for the fact that an inanimate object is often described as animate under the general influence of perception of the surrounding world as animate. Upon a detailed examination of the descriptive part of the riddle, the authors come to the conclusion that often a metaphor is realized by means of a verb and often is transformed into means of indicating the presence of an object in some place or activation at a strictly set time. In addition, often with the help of an anthropomorphic metaphor, the interaction of several objects is emphasized, and the interaction can be either active, that is, assuming the actual performance of actions, or nominal, which implies only the close finding of two hidden objects. The inclusion of an anthropomorphic metaphor makes it possible to introduce hierarchy relations into the description: this is vividly illustrated by the riddles of both smoke and fire, where, thanks to the secondary nomination of denotations, a violation of the logic of fixing events is achieved. In general, the authors emphasize that the anthropomorphic metaphor develops a new perspective of its realization within the framework of the riddle, which is entirely determined by the tasks of the genre.

Keywords: folklore, folk riddle, denotation, metaphor, anthropomorphism.

Аннотация: Представленная работа посвящена анализу образного содержания одного из древнейших и вместе с тем сложных для изучения жанру – народной загадке. Анализу подвергается описательная часть денотата, в рамках которой возможен ввод второй номинации загаданного предмета или же его иносказательное представление. Иносказательность, как правило, реализуется посредством включения метафоры в контекст. Следует подчеркнуть, что в народной загадке функционирование метафоры существенным образом отличается от функционирования метафоры в художественном тексте. В статье рассматривается роль антропоморфной метафоры в тексте русской народной загадки. Авторами приводятся психологические основания того, что неживой предмет часто описывается как одушевленный под общим влиянием восприятия окружающего мира как одушевленного. При детальном рассмотрении описательной части загадки авторы приходят к выводу, что часто метафора, реализуемая посредством глагола трансформируется в средство указания на наличие предмета в каком-либо месте или активизации в строго установленное время. Кроме того, часто при помощи антропоморфной метафоры подчеркивается взаимодействие нескольких предметов, причем взаимодействие может быть как активным, то есть предполагающим действительное выполнение действий, или же номинальным, что предполагает лишь близкое нахождение двух загаданных предметов. Включение антропоморфной метафоры позволяет внести в описание отношения иерархии: это ярко иллюстрируют загадки и дыме и огне, где благодаря вторичной номинации денотатов достигается нарушение логики фиксации событий. В целом авторы подчеркивают, что антропоморфная метафора в рамках загадки развивает новый ракурс своей реализации, что целиком и полностью определяется задачами жанра.

Ключевые слова: фольклор, народная загадка, денотат, метафора, антропоморфизм.

В последнее время довольно активно разрабатывается вопрос глубинного анализа фольклорных жанров. Под глубинным анализом в данном случае мы понимаем попытку вскрыть взаимосвязь между содержанием, структурой жанра и национально-специфическими особенностями, которые и повлияли на формирование жанра.

В данной связи актуальным видится анализ жанра народной загадки в зеркале логики «наивного» мышления человека, которое часто для описания какого-либо предмета обращалось к метафорическому иносказанию.

Обращение к метафоре, на наш взгляд, является вполне обоснованным, поскольку «ассоциации, возбуждаемые в процессе формирования тропов... дают основание, усматривая сходство или смежность между гетерогенными сущностями, устанавливая их аналогию, и прежде всего между элементами физически воспринимаемой действительности и невидимым миром идей и страстей, а также различного рода абстрактными понятиями, создаваемыми разумом в процессе вхождения от умозрительного, абстрактного представления о действительности к конкретному ее постижению» [7]. Представленные размышления В.Н. Телия довольно четко проводят параллель

между наблюдаемыми предметами окружающего мира и особенностями их восприятия, что, безусловно, связано с их образным мышлением древнего человека [2].

О метафоре как способе «нюансировке смысла» писала Н.Д. Арутюнова, выделяя в отдельные группы метафоры, которые призваны создать новый зрительный образ определенного предмета за счет обнаружения его новых, отличительных черт [1].

В.П. Москвин также подчеркивал связь наблюдаемых человеком предметов и создаваемых на основе наблюдения чувственных образов [4]. Мы полагаем, что наличие чувственного восприятия, или «эйдической памяти» (Л.С. Выготский [3]), сыграло немаловажную роль при создании описательной части загадки, поскольку часто в загадке чувствуется удивление, нелогичность наблюдаемого, что представлено в виде эффекта нелогичного следствия, а также является «способом зрительного сближения» [5]. Мы полагаем, что подобные размышления во многом коррелируют с мыслью А.А. Потемкина о том, что для любого типа мышления характерно образное восприятие действительности и абстрактных понятий [6].

В русской народной загадке довольно часто встречается антропоморфная метафора, что обусловлено в первую очередь логикой древнего человека, согласно которой все неживые предметы имели свою душу, а следовательно, были одушевленными: «ключевые константы когнитивной теории метафоры «человек» и «окружающий мир» оформляются в виде устойчивой формулы Природа – это человек... Антропоморфная метафора характеризуется высокой степенью информативности, поскольку моделирует представления не только об объектах и явлениях природы, но и самом человеке» [2].

Рассмотрим загадку *Утром смеется, а вечером слезы текут*. (Свеча) [8], где денотат описывается как некий человек, который то смеется, то плачет. Представленная метафора довольно глубокая по своей структуре, поскольку улыбка и слезы – это результат определенных душевных переживаний человека. Однако в рамках загадки не ставится цель передать внутренний образ денотата, поскольку имеется задача описать неживой предмет иносказательно. В таком случае мы задаемся вопросом: что на неживом предмете может напоминать слезы и улыбку? Если мы представим горящую свечу, то поймем, что слезы – это образное описание каплей тающего воска. Сложнее, на наш взгляд, обстоит дело с пониманием образа улыбки. По нашему разумению, улыбку напоминает свеча, горевшая некоторое время, а значит, изменившая очертания контура.

Действие *смеется* в рамках народной загадки может указывать на легкую физическую тряску самого денотата: *Дяденька смеется, на нем шубенка трясется (кисель)*

[8]. В данном случае, как было отмечено выше, действие *смеется* не указывает на какие-либо душевные переживания или причину их появления, а всего лишь описывает физическое состояние денотата, а именно тряску. Более того, в данной загадке наблюдается «расчленение» денотата на составляющие части: согласно тексту описания, мы выделяем сам денотат (кисель), а также его верхнюю одежду (шубенку), что, возможно, обозначает пленку на остывшем киселе.

Нередко в загадках актуализируется метафора сна: *Днем спит, ночью глядит; Утром умирает, другой ее сменяет*. (Свеча) [8]. В данной загадке обращает на себя внимание цикл действий, где каждое из приведенных действий имеет иносказательный характер. Так, *спать* в рамках народной загадки понимается как присутствие предмета и одновременно его бездействие; тогда как *глядеть* уже понимается как выполнение определенного действия (в данном случае излучение света); *смерть* понимается как приход денотата в непригодность, невозможность его использовать (в данном случае мы понимаем, что свеча догорает).

Действие *спать* может не только обозначать бездействие, но и указывать на средство или место появления денотата: *В камне спал, по железу встал, по дереву пошел, как сокол полетел. (Огонь)* [8]. В анализируемой загадке довольно многогранно показано действие огня. В первую очередь описывается способ его добычи (средством трения камня о камень или камня о железо); далее включается способность огня молниеносно поражать леса, что стимулируется обращением в типичному фольклорному сравнению *как сокол полетел*. Однако в данном контексте привычно сравнение с положительной коннотацией развивает резко отрицательную коннотацию, которую можно осознать лишь после определения денотата.

Присутствие денотата в определенном месте также реализуется через антропоморфную метафору, причем действие вновь понимается как пассивное: *Сидит на ложке, свесив ножки (лапша)* [8]. Из описания мы понимаем, что денотат находится в ложке и некоторая его часть описывается как ноги человека. Более того, само описание *свесив ножки* бессознательно возбуждает в нашем сознании ассоциации с поведением ребенка, который еще не способен контролировать свое поведение. Здесь можем провести аналогию с поведением денотата: обращение с лапшой, действительно, непредсказуемо, поскольку часто длина изделия часто превышает размеры самой ложки, что и не дает возможно контролировать денотат.

В загадке *В пяти колодчиках сидят пять молодчиков (пальцы в перчатках)* [8] мы вновь встречаем лексему *сидеть*, которая не указывает на какое-либо активное

действие денотата, поскольку основная информация заключается в количестве предметов и месте их нахождения. Количество загадываемых предметов и место их нахождения обнаруживаем и в загадке *Сто один брат, все в один ряд, вместе вкопаны стоят (изгородь)* [8];

Указание на местонахождения денотата также реализуется посредством антропоморфной метафоры: *Сальная Марфушка под лавкой валяется (блинный подмаз)* [8]. Глагол *валяется* обычно развивает отрицательную коннотацию, но в данном случае она отсутствует, поскольку описание не предполагает развитие оценочного компонента: важно указать лишь место нахождения предмета.

Иногда место нахождения денотата может не называться: *Сижу верхом, не ведаю на ком (шапка)* [8]. Мы полагаем, что подобное описание подчеркивает, что для отгадывания важен не объект действия, а именно образ выполнения действия – *верхом*.

В загадке при помощи антропоморфной метафоры могут вводиться и иные признаки денотата: *Сидит старуха на завалинке. Кто ни пройдет, всяк заплачет (луковица)* [8]; *Стоит поп низок, на нем сто ризок (качан капусты)* [8].

Для народной загадки характерно обращение и к активному действию денотата: *Весь свет обегал, у царя пообедал. Перец* [8]. В данном случае актуализируется экстралингвистическая информация о денотата: в течение длительного времени перец был дорогостоящим предметом, поскольку его перевозка из-за рубежа требовала немалых расходов. Следовательно, позволить себе данный продукт мог лишь обеспеченный человек.

Бег часто может описывать определенное системное движение в рамках определенного устройства: *Четыре сестры бегать шустры одна за другой не догонят ни одной (мотовило)* [8]; *Пять братьев по дороге бегут да сухи; пять братьев под одоньем стоят да мокры (пряжа)* [8]; *Животом трет, ногами прет, где зевнет, там ткнет (тканье)* [Садовников 1876, с.73]. Приведенные загадки иносказательно описывают работу ткацких устройств, которые перестали быть непременно атрибутом быта хозяйки в связи с механизацией описанных процессов. По этой причине создание зрительного образа описываемых предметов становится довольно затруднительным. Мы полагаем, что подобные загадки отличаются особой культурной ценностью, поскольку содержат в себе не только логику наивного восприятия окружающего мира, но закрепляют в себе определенный этап развития этноса. Более того, описываемые предметы ранее служили основой для многих пословиц и иных кратких изречений, которые также перешли пассивный запас именно ввиду утраты прозрачности мотивировки

их образования: *Лучше скуповато, чем мотовато; Не виляй мотылем – стой вереей* [9].

Денотат может описываться через действие в течение длительного промежутка времени: *День-деньской скачет, пляшет и на покой идет со мной (зипун)* [8].

В ряде случаев в загадке описывается действие некоторого коллектива: *Пятеро держат, да пятеро пихают, двое примечают, ладно ли пихают (нитку вдевают)* [8]; *Идет судья в суд, его пятеро несут, туда мертво, а обратно бодро (нитку вдевают)* [8].

В загадке актуализируются и отношения мужчины и женщины: *Филька повадилс к девке (застежка)* [8]; *Толстая Фетинья, сухой Матвей, привалилс к ней (печь и голбец)* [8]. В подобных описаниях привлекает внимание наличие двух субъектов действия, которые, согласно тексту загадки, находятся в определенном взаимодействии. Взаимодействие может указывать на активное действие или же на пассивное действие (привалилс), которое в контексте загадки просто указывает на близкое расположение двух предметов.

Внешний вид денотата также может передаваться посредством антропоморфной метафоры: *Маленький, горбатенький, в загородке увяз (застежка)* [8];

Особого внимания заслуживают метафоры передвижения, реализованные посредством глаголов *идти, бежать*, так, в загадке *По дороге я шел, две дороги нашел, по обеим пошел (штаны)* [8] глагол *идти* вообще не реализует прямого значения.

Глагол *прийти* указывает на внезапное появление денотата: *Пришел вор во двор, хозяина в окно унес (Ветер и дым)* [8].

В загадке *Хожу на голове, хотя и в сапогах, хожу я босиком, хотя я в сапогах (звездь в сапоге)* [8] глагол *ходить* также не несет в себе ключевой смысловой нагрузки, поскольку переходит в значение вспомогательного глагола: основном логическое ударение падает на образ выполнения действия – *босиком, на голове, в сапогах*.

Смещение внимания на место расположения денотата обнаруживаем в загадках *Ходит Хам по лавке, в Хамовой рубашке. Отвори окошко — Хам — за окошко (Дым курной избы)* [8]; *Разошлись все мальчиков в пять чуланчиков (пальцы в перчатках)* [8].

Трансформация предмета часто реализуется при помощи метафоры пройти сквозь/ через землю: *Дрен Дренович, Иван Иванович сквозь землю прошел, на голове огонь пронес (маков цвет)* [8], что вновь указывает на широту охвата глубинных структур метафоры [10].

Описание денотата может осуществляться через обращение к жизненным циклам: *Отец не родился, а сын уж в лес ходит (Огонь и дым)* [8]. Здесь мы вновь обнаруживаем наличие двух денотатов, но между ними уже априорно выстраиваются отношения иерархии. Так, *отец* по логике вещей появляется на свет раньше сына и отличается лучшими физическими способностями. В загадке же мы видим обратную логику появления события: сначала активизируется сын (вторичное действие). Необходимо отметить, что нарушение логики становится возможным именно благодаря вводу вторичной номинации денотата посредством антропоморфной метафоры.

Таким образом, включение антропоморфной метафоры в состав русской народной загадки подчинено определенным задачам жанра. В первую очередь речь идет об описании неживого предмета как живого, что явля-

ется отражением логики наивного мышления этноса на раннем его развитии. Во-вторых, часто включение метафоры призвано не указать на активное действие, а лишь подчеркнуть место нахождения денотата. В таком случае глаголы сидеть, ходить, валяться, спать утрачивают свое основное значение и переходят в разряд бытийных глаголов. В-третьих, при описании неживого предмета часто актуализируется представление о циклах жизни, а именно рождении и смерти, где смерть понимается как приход денотата в негодность, невозможность его использования. В-четвертых, глаголы *смеется, радуется, плачет* в рамках народной загадки не имеют цели описать внутреннее состояние денотата, причины его появления, а просто указывают на близость физических состояний указанных действий и поведения денотата или же всего лишь вычленяют отдельные физические явления денотата и проводят параллели с приводимыми состояниями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры// Известия академии наук. Серия литературы и языка. 1978. – Т. 37. – №4. – С. 333-343.
2. Бурмакова Е.А. Когнитивная природа антропоморфной метафоры в художественном дискурсе// Язык и культура. – 2015. – № 3 (31). – С. 28-36.
3. Выготский Л.С. Психология развития человека. – М.: Смысл, 2005. – 1136 с.
4. Москвин В.П. Метафора: очерк семиотической теории. – М.: ЛЕНАНД, 2006. – 184 с.
5. Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение// Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 416-434.
6. Потенба А.А. Теоретическая поэтика. – М.: Высш.шк., 1990. – 344 с.
7. Телия В.Н. Метафора в языке и текста. – М.: Наука, 1988. – 176 с.
8. Садовников Д.Н. Загадки русского народа: сборник загадок, вопросов, притч и задач. – СПб.: Типография А.Лебедева, 1876. – 332 с.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. / В.И. Даль; совмещ. ред. изд. В.И. Даля и И.А. Бодуэна де Куртенэ. – М.: Олма-Пресс: Крас. пролетарий, 2004. – 700 с.
10. Hester M.B. The meaning of Poetic Metaphor. – The Hague, 1967. – 229 p.

© Файзуллина Найля Ивановна (nelya7@mail.ru), Сюй Жун (xurongsss8@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»